

ОСОБЕННОСТИ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМОГО В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Статья посвящена анализу одной из сложных и остро дискуссионных проблем науки уголовно-процессуального права – проблеме применения мер пресечения в отношении такого участника уголовного судопроизводства, как подозреваемый. Предлагается включить в качестве самостоятельного основания для применения более строгой меры пресечения в отношении подозреваемого – нарушение им условий ранее избранной меры пресечения. Подвергается критике практика повторного избрания подписки о невыезде в отношении подозреваемого.

Ключевые слова: подозреваемый, меры пресечения, исключительный случай, согласие подозреваемого.

I.V. Smolkova

FEATURES OF THE ELECTION OF PREVENTIVE MEASURES IN RELATION TO THE SUSPECT IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

The article is devoted to the analysis of one of the most complex and highly debatable problems of the science of criminal procedure law – the problem of applying preventive measures against such a participant in criminal proceedings as a suspect. It is proposed to include as an independent basis for applying a more severe measure of restraint against a suspect – violation of the conditions of the previously chosen measure of restraint. The practice of re-electing a non-departure order against a suspect is criticized.

Keywords: suspect, preventive measures, exceptional case, consent of the suspect.

Согласно ч. 1 ст. 100 УПК РФ мера пресечения в отношении подозреваемого избирается в *исключительных случаях* при наличии оснований, предусмотренных ст. 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ. В законе не раскрывается понятие «исключительный случай» применения меры пресечения в отношении подозреваемого. С позиции русского языка, «исключительный случай» означает: «небывалый, необыкновенный», «выделяющийся среди других по своим качествам», «не распространяющийся одинаково на всех» [8, с. 251]. Из этого можно сделать вывод, что исключительный случай – это случай достаточно редкий, имеющий место при особых, необычных обстоятельствах, при которых неприменение меры пресечения реально повлечет невозможные утраты для уголовного дела (исчезновение следов преступления, сокрытие подозреваемого и др.).

С точки зрения отдельных авторов, применение меры пресечения для подозреваемого не должно являться чем-то из ряда вон выходящим, а, напротив, должно быть ординарным основанием для приобретения им этого статуса, что избрание меры пресечения в отношении подозреваемого исключительно равно настолько, насколько исключительно само его участие в уголовном судопроизводстве. В частности, С.Б. Россинский вполне справедливо полагает, что необходимо внести изменение в ч. 1 ст. 100 УПК РФ, в соответствии с которым возможность избрания меры пресечения в отношении подозреваемого должна быть не исключением, а правилом, аргументируя свое предложение тем, что при таком варианте временной интервал между актом процессуального задержания подозреваемого и ходатайством в суд об избрании в отношении него меры пресечения сокращается до минимума [9, с. 34, 36].

С предложением же Х.Г. Дациевой о замене в ч. 1 ст. 100 УПК РФ понятия «исключительный случай» на понятие «случай, не терпящий отлагательства», согласиться сложно [4, с. 11]. Думается, что предлагаемое изменение может привести к произвольному его толкованию, расширению пределов усмотрения следователя, дознавателя, а, в конечном итоге, к необоснованному применению меры пресечения в отношении подозреваемого. Печальный опыт произвольного толкования «случая, не терпящего отлагательства», определявшего возможность производства осмотра места происшествия до возбуждения уголовного дела, известен еще в период действия УПК РСФСР.

В соответствии со ст. 99 УПК РФ при решении вопроса о необходимости избрания меры пресечения в отношении подозреваемого и определении ее вида должны учитываться: тяжесть преступления, сведения о личности подозреваемого, его возраст, состояние здоровья, семейное положение, род занятий и другие обстоятельства. В качестве «других обстоятельств» учитываются как смягчающие (наличие на иждивении несовершеннолетних детей или престарелых родителей, болезнь и т.д.), так и отягчающие (наличие прежних судимостей, совершение преступления в составе организованной преступной группы или преступного сообщества и т.д.) обстоятельства.

Конституционный Суд РФ в Постановлении № 12-П от 22.03.2018 г. в качестве одного из условий выбора меры пресечения, обеспечивающей соразмерность содеянного и ограничения прав и свобод подозреваемого, определяемых конкретной мерой пресечения, называет еще и тяжесть подозрения [11].

К подозреваемому может быть применена любая из мер пресечения, указанная в ст. 98 УПК РФ. По заложенному в ней потенциалу она должна быть достаточна для пресечения возможности подозреваемому препятствовать производству по уголовному делу, более строгая мера пресечения избирается тогда, когда доказано, что нельзя ограничиться более мягкой.

На практике довольно часто, стремясь придать лицу статус подозреваемого, следователь, уверенный в совершении преступления конкретным лицом, но еще не собравший достаточных доказательств для предъявления ему обвинения, избирает в качестве меры пресечения подписку о невыезде и надлежащем поведении (далее – подписка о невыезде) (ст. 102 УПК РФ). Среди правоприменителей распространено суждение, что подписка о невыезде является «мало

к чему обязывающей» мерой пресечения, не требующей ни согласия прокурора, ни судебного решения. Согласиться с этим нельзя, ибо подписка о невыезде ограничивает свободу передвижения гражданина, выбор им места жительства, кроме того, над подозреваемым, давшим подписку о невыезде, висит «дамоклов меч» применения более строгой меры пресечения в случае, если он ее нарушит.

Нередки на практике и ситуации, когда следователь, избрав в отношении подозреваемого подписку о невыезде, по истечении 10-суточного срока действия, избирает ее повторно. В литературе по данному поводу высказано достаточно спорное мнение, в соответствии с которым при возникновении проблемы дальнейшего процессуального оформления участия подозреваемого в уголовном деле и соблюдения его процессуальных прав по истечении 10 суток с момента избрания меры пресечения, возможно повторное избрание меры пресечения в порядке ст. 100 УПК РФ [7, с. 117–118]. Представляется, данное мнение, как и практика, которую оно пытается оправдать, не соответствуют положениям ст. 100 УПК РФ.

В этой связи возникает вопрос: для чего повторно избирается мера пресечения? Это делается для того, чтобы, «подстраховавшись», продолжать на внешне законных основаниях расследование, пока на основе полученных доказательств не будет установлена причастность или непричастность подозреваемого к совершенному преступлению. Представляется, что такая практика противоречит закону, поскольку он ограничивает действие любой меры пресечения, в том числе и не связанной с лишением свободы, сроком в 10 суток, иначе срок, установленный для предъявления обвинения, без достаточных оснований будет продлеваться до 20 суток и более.

Н.В. Азаренок, допуская повторное избрание меры пресечения по истечении 10 суток срока в отношении подозреваемого, оговаривает, что оно возможно при условии появления новых изобличающих лицо доказательств [1, с. 17]. Думается, что и в этом случае повторное избрание меры пресечения в отношении подозреваемого недопустимо, при появлении новых, а тем более, изобличающих подозреваемого доказательств, необходимо предъявлять ему обвинение.

Избранная мера пресечения может быть изменена на более строгую в случаях, когда подозреваемый нарушает условия ее исполнения, однако такое изменение в законе предусмотрено только в отношении неисполнения условий таких мер пресечения, как запрет определенных действий (ч. 13 ст. 105 УПК РФ), залог (ч. 7 ст. 106 УПК РФ) и домашний арест (ч. 14 ст. 107 УПК РФ). Думается, однако, что возможность изменить меру пресечения на более строгую может быть реализована и при нарушении условий исполнения и других мер пресечения: подписки о невыезде (ст. 102 УПК РФ), личного поручительства (ст. 103 УПК РФ), наблюдения командования воинской части (ст. 104 УПК РФ), присмотра за несовершеннолетним подозреваемым (ст. 105 УПК РФ). В этой связи следует установить в ст. 97 УПК РФ в качестве самостоятельного основания для избрания более строгой меры пресечения нарушение подозреваемым избранной в отношении него меры пресечения.

А вот предложение Н.И. Газетдинова предусмотреть в законе возможность изменения любой меры пресечения в случае ее нарушения на заключение под стражу в отношении подозреваемых, совершивших преступления небольшой тяжести, а также установить уголовную ответственность за нарушение условий исполнения мер пресечения аналогично уголовной ответственности за побег из мест лишения свободы [3, с. 45] поддержать нельзя, поскольку, во-первых, установление заключения под стражу в отношении подозреваемого, совершившего преступление небольшой тяжести, даже нарушившего условия исполнения какой-либо меры пресечения, не соответствует общественной опасности содеянного, а, во-вторых, криминализация таких действий носит достаточно искусственный характер.

По УПК РФ личное поручительство (ч. 2 ст. 103 УПК РФ) и наблюдение командования воинской части (ч. 2 ст. 104 УПК РФ) избираются только с согласия подозреваемого. Следовательно, появление подозреваемого в случае применения этих мер пресечения связано с его непосредственным волеизъявлением.

В уголовно-процессуальной литературе вопрос о необходимости получения согласия подозреваемого на применение названных мер пресечения носит спорный характер. Одни авторы отвечают на данный вопрос положительно, другие, наоборот, – отрицательно. Сторонница первой точки зрения О.И. Цоколова отмечает, что избрание любой меры пресечения, кроме заключения под стражу, не является односторонним принудительным актом, а требует добровольное согласие самого подозреваемого выполнять соответствующие требования [10, с. 13].

Р.Д. Лисицин, наоборот, считает, что согласие подозреваемого не может и не должно являться элементом законодательной конструкции избрания меры пресечения, не связанной с заключением под стражу, поскольку иное противоречило бы правовой сущности мер пресечения, являющихся мерами уголовно-процессуального принуждения. С его точки зрения, согласие подозреваемого как обязательное условие применения таких мер пресечения, как личное поручительство и наблюдение командования воинской части, обращено не к самой мере пресечения, а является утвердительным ответом на передачу части контрольных полномочий от следователя (дознателя) к поручителям либо командованию воинской части [6, с. 21]. Поддерживая это мнение, Б.Т. Безлепкин полагает, что правила ч. 2 ст. 104 УПК РФ достаточно «сомнительны», поскольку гарантиями этой меры пресечения «служат власть и авторитет военачальника, а не согласие солдата, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, которое противоречит самому смыслу уголовно-процессуального принуждения, придавая воинским и процессуальным отношениям совершенно несвойственный им характер сделки, соглашения» [2, с. 123].

К.Б. Калиновский считает, что и такая мера пресечения, как подписка о невыезде, может применяться только с согласия подозреваемого, поскольку имеет психологически-принудительный характер, является личным обещанием, а во всех случаях при отсутствии согласия подозреваемого на применение мер пресечения, не связанных с лишением свободы, следует избирать письменное обязательство о явке [5, с. 15].

Необходимо заметить, что некоторые международные документы исходят из необходимости учета согласия подозреваемого/обвиняемого на применение к ним мер пресечения, требующих от них выполнения определенных, накладываемых на них обязательств. Так, согласно п. 3.4 Стандартных минимальных правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийских правил), принятых Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеей ООН от 14 декабря 1990 г. «не связанные с тюремным заключением меры, которые накладывают какое-либо обязательство на правонарушителя, и которые применяются до формального разбирательства или суда, или вместо них, требуют согласия правонарушителя» [12].

Эта позиция подтверждена и Конституционным Судом РФ в Определении от 22.01.2014 г. № 27-О, в котором отмечается, что по смыслу ст. 102, 97, 99 УПК РФ отказ подозреваемого дать подписку о невыезде и надлежащем поведении, – как свидетельствующий о том, что в рамках применения данной меры пресечения не могут быть достигнуты ее цели, – может повлечь избрание другой, в том числе и более строгой, меры пресечения, но само же вынесение постановления об избрании подписки о невыезде и надлежащем поведении – без отображения у лица письменного обязательства – не позволяет считать эту меру примененной и влекущей правовые последствия для подозреваемого [13].

Резюмируя изложенное, необходимо отметить, что законодательное регулирование порядка применения мер пресечения в отношении подозреваемого недостаточно четко и последовательно, требует уточнений и в первую очередь отказа от требования исключительности его характера.

Список использованной литературы

1. Азаренок Н.В. Уголовно-процессуальный порядок появления уголовно-преследуемого лица не соответствует логике уголовного преследования / Н.В. Азаренок // Российский следователь. – 2011. – № 23. – С. 14–17.
2. Безлепкин Б.Т. Краткое пособие для следователя и дознавателя / Б.Т. Безлепкин. – Москва : Проспект, 2011. – 153 с.
3. Газетдинов Н.И. О необходимости и обоснованности заключения под стражу / Н.И. Газетдинов // Российский судья. – 2009. – № 4. – С. 44–46.
4. Дациева Х.Г. Избрание меры пресечения в отношении подозреваемого: проблемы теории и практики / Х.Г. Дациева // Российский судья. – 2010. – № 9. – С. 11–14.
5. Калиновский К.Б. Система мер пресечения в российском уголовном процессе: современные проблемы и исторический опыт / К.Б. Калиновский // Следователь. – 2015. – № 2. – С. 15–17.
6. Лисицин Р.Д. Требуют ли нормы международного права согласия подозреваемого или обвиняемого на применение меры пресечения, не связанной с лишением свободы? / Р.Д. Лисицин // Адвокат. – 2013. – № 1. – С. 20–23.
7. Михайловская О.В. Подозреваемый или свидетель: о статусе лица по уголовному делу, возбужденному по факту совершения преступления /

О.В. Михайловская, И.А. Узгорская // Общество и право. – 2016. – № 4 (58). – С. 116–118.

8. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – 4 изд. – Санкт-Петербург : «ООО ИТИ «Технологии», 2003. – 944 с.

9. Россинский С.Б. Правовые условия применения мер уголовно-процессуального пресечения приводят к поспешности и необоснованности обвинения / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2018. – № 5. – С. 30–36.

10. Цоколова О.И. Проблемы совершенствования оснований применения мер пресечения в виде заключения под стражу / О.И. Цоколова // Российский следователь. – 2005. – № 5. – С. 8–13.

11. По делу о проверке конституционности части первой и третьей статьи 107 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой С.А. Костромина : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации № 12–П от 22.03.2018 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – № 14. – Ст. 2027.

12. Стандартные минимальные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), принятые Резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеей ООН от 14.12.1990 г. // Международные акты о правах человека : сб. док. / сост. В.А. Карташкин, Е.А. Лукашева. – Москва, 2002. – 214 с.

13. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лебедева Александра Евгеньевича на нарушение его конституционных прав статьей 102 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда Рос. Федерации от 22.01.2014 г. № 27-О // СПС «Консультант-Плюс».

Информация об авторе

Смолькова Ираида Вячеславовна – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора Байкальского государственного университета, Заслуженный юрист Российской Федерации, Иркутск, Россия, e-mail: smolkovaiv@mail.ru.

Author

Iraida V. Smolkova – Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision of Baikal State University, Honored Lawyer of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, e-mail: smolkovaiv@mail.ru.